

Блинова Маргарита Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры публичного права
Одинцовского филиала Московского
государственного института международных
отношений (университета) МИД России

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЗАЛОГА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация:

В статье рассматривается история возникновения залоговых правоотношений в русских землях в древнейший период. В настоящее время залог – распространенный вид обеспечения заемных обязательств. Примером служит динамично развивающийся в современной России рынок ипотечного кредитования. Залог в русских землях прошел долгий путь становления: от самозаклада до обеспечения долговых обязательств как движимым, так и недвижимым имуществом. В ходе формирования и развития института залоговых отношений выявились проблемы порядка оформления сделки, условий ее действительности, которые древнее русское законодательство пыталось решить в соответствии с уровнем юридической техники рассматриваемого периода. В связи с этим исследование происхождения категории залога и его становления в Древней Руси представляет значительный научный интерес, несмотря на достаточно глубокую изученность данного вопроса дореволюционными историками права. Не случайно современная наука имеет возможность привлечь более широкий арсенал исторических источников, в частности берестяные грамоты, которые позволяют расширить представление о залоговых правоотношениях в Древней Руси.

Ключевые слова:

залог, заклад, залоговые правоотношения, антихреза, самозаклад, берестяные грамоты, Русская Правда, Псковская судная грамота.

Blinova Margarita Aleksandrovna

PhD in History, Associate Professor,
Public Law Department, Odintsovo branch,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation

CONCERNING THE EMERGENCE OF PLEDGE IN ANCIENT RUS

Summary:

The study discusses the emergence of the legal relationship between pledgors and pledgees in Russia in the ancient period. Currently, pledge is a common type of debt security. For example, the mortgage lending market is the dynamically developing sector in modern Russia. The Russian pledge has evolved from personal bondage into security over both movable and immovable property. While developing, the institution of relationship between pledgors and pledgees faced the difficulties in the procedure of transaction, the conditions of its validity. The ancient Russian legislation tried to overcome them with the help of legal techniques available in the period under consideration. Although there are many pre-revolutionary historical legal studies on the pledge, the origin and development of this category in Ancient Rus are of considerable interest to the scientific community. At the same time, modern science has the opportunity to attract a wider range of historical sources, in particular birchbark letters, which makes it possible to broaden the concept of legal relationship between pledgors and pledgees in Ancient Rus.

Keywords:

pledge, mortgage, legal relationship between pledgors and pledgees, antichresis, personal bondage, birchbark letters, Russkaya Pravda, Pskov Judicial Charter.

Залог как способ обеспечения заемных обязательств имеет давнюю историю. С древнейших времен в качестве залога выступали различные ценности: скот, предметы обихода, земля, постройки, даже личность должника.

В Древней Руси, несмотря на влияние византийского права, залоговые правоотношения пребывали в течение продолжительного периода в зачаточном состоянии. Нельзя не обратить внимания на то, что в Русской Правде XI в. содержится очень мало статей о договоре займа. Российский дореволюционный исследователь А.И. Загоровский полагал, что вопросы займа, как и прочие вопросы, касающиеся частных правоотношений, долгое время находились в сфере действия обычного права и подлежали рассмотрению не княжеского суда, а общинного [1, с. 4]. Данное мнение находит свое подтверждение в ст. 15 Краткой редакции Русской Правды, где говорится о разрешении имущественных споров коллегией из двенадцати человек [2, с. 105], которые выступали, скорее всего, в качестве общинного суда. Из Пространной редакции Русской Правды становится известно о том, что договор займа заключался в устной форме, поскольку письменный документ не предполагался, и при свидетелях [3, с. 408].

Вместе с тем в Пространной редакции Русской Правды впервые на законодательном уровне упоминается залог как способ обеспечения долговых обязательств. Правда, в качестве залога выступало не имущество, а личность должника. Речь идет о так называемом закупничестве, т. е. о самозакладе должника [4, с. 700]. Появление закупничества как социально-правового явления, несо-

менно, было вполне закономерным для древнерусского права. Форма залога, при которой ответственность возлагалась на личность должника, обязывавшегося отработать долг, существовала у многих древнейших народов, в том числе в странах Древнего Востока, в Древних Афинах до реформ Солона, в Древнем Риме. Российский дореволюционный исследователь Н.Н. Товстолес писал, что в древнейшую эпоху земля являлась коллективным владением рода, движимое имущество состояло, как правило, из самых необходимых предметов обихода. В связи с этим «единственной ценностью, которой человек мог располагать свободно, была собственная личность, которую и приходилось в нужде закладывать другому, закабалить себя» [5, с. 141].

Между тем с XIII в. очевидной становится тенденция ограничения такого права в древнем русском праве, что особенно проявилось в грамотах, заключаемых Новгородом с князьями. Так, в договорной грамоте Новгорода с великим князем Тверским Ярославом Ярославичем 1265 г. князю, княгине, его боярам и дворянам запрещалось «закладников приимати» [6, с. 1]. Аналогичное предписание содержалось и в договорной грамоте между Новгородом и великим князем Тверским Михаилом Ярославичем, которая датируется 1295–1302 гг., где прямо предписано князю на случай заключения сделки самозаклада с новгородцем отказаться от данных обязательств [7, с. 5].

Если самозаклад в древнерусских землях был хорошо известен, то возникает закономерный вопрос о том, существовали ли иные залоговые правоотношения, в которых средством обеспечения договора займа выступало какое-либо имущество должника. При рассмотрении законодательства удельного периода становится понятно, что первым памятником права, где более подробное освещение получили сделки, обеспеченные залогом, являлась Псковская судная грамота XIV столетия.

Вывод о том, что залоговые правоотношения получили развитие в древнерусских землях до издания Псковской судной грамоты, можно сделать на основе берестяных грамот, найденных в ходе археологических раскопок на территории Новгорода, Пскова, Смоленска, Старой Руссы и некоторых других городов. Берестяные грамоты представляют собой бесценный материал, отражающий разные аспекты общественной жизни восточных славян. Большое количество берестяных грамот, обнаруженных на новгородской земле, исследователи объясняют тем, что их консервации способствовала специфика почвы, а также особенностями общественного и политического уклада Новгородской республики. Известно, что Новгород являлся одним из важнейших центров ремесла и торговли. Не случайно наблюдается обилие грамот хозяйственного назначения. Кроме того, представители местного боярства проводили много времени в Новгороде, чтобы не оставаться в стороне от событий общественно-политической жизни. Им приходилось управлять земельными владениями на расстоянии. Поэтому найдено множество берестяных грамот, содержащих распоряжения, донесения. В тех русских землях, где существовал монархический строй, боярство, претендовавшее на независимость от княжеской власти, предпочитало селиться в своих вотчинах, следовательно, необходимости в активной переписке не было. На эту особенность обращают внимание украинские исследователи берестяных грамот Л.С. Дзендзелюк, Л.М. Льюда [8, с. 47]. В основном берестяные грамоты посвящены различным аспектам повседневной жизни, вопросам, связанным с семьей, домашними делами, управлением имуществом, иным. Но, как подчеркивает С. Деккер, «большинство берестяных грамот так или иначе связано с деньгами» [9, р. 24].

Берестяные грамоты Северо-Восточной Руси свидетельствуют о том, что заемные правоотношения в древнерусских землях были достаточно распространены. В числе берестяных грамот (их насчитывается свыше тысячи), как правило, долговые списки, указания уплатить долг, требования кредиторов. Однако словосочетание «заклад имущества» упоминается редко. Видимо, этот способ обеспечения долговых обязательств до XIV в. не получил широкого распространения. Но даже скудные сведения о залоге, представленные в берестяных грамотах, подтверждают тот факт, что залоговые правоотношения в Древней Руси не ограничивались самозакладом должника. Например, в берестяной грамоте № 531 XII–XIII вв. читаем, что новгородская жительница – кредитор просила заклад за предоставляемые в долг деньги при свидетелях, причем о закупничестве речь не шла [10, с. 134]. Автор берестяной грамоты № 997 второй половины XII в. пишет, что его два жеребца «не виноваты никому же», т. е. не обременены долгом [11, с. 96]. Полагаем, что животные могли выступать в качестве заложенного имущества. В ст. 31 Псковской судной грамоты упоминается конь либо иное животное в качестве залога [12, с. 31].

В грамоте № 974, представляющей собой обрывочный долговой список, среди должников можно обнаружить некоего «Верина племянника», получившего куну за солод [13, с. 83]. Исходя из общего смысла грамоты, считаем, что в данном случае речь шла о залоге. Использование в качестве залога продукта, который хранится лишь несколько месяцев, говорит о том, что деньги предоставлялись в долг на весьма ограниченный срок.

Судя по значительному количеству берестяных грамот, на наш взгляд, кредиторы, как и во все времена, часто сталкивались с проблемой возврата одолженных денежных средств. Так, в берестяной грамоте смоленско-полоцкого происхождения № 246 (XI в.) кредитор Жировит

грозил должнику Стояну, который не выплачивал долг девятый год, произвести конфискацию за неплату [14, с. 280]. В новгородской грамоте № 1016 первой половины XIII в. автор письма настоятельно просил своего адресата задержать должника (Радослава) до того, как он уедет в Киев, чтобы вытребовать с него деньги [15, с. 115]. В грамоте № 1050 сообщается о взыскании долга с участием отрока (судебного исполнителя) [16, с. 150]. Согласно новгородской грамоте № 1020, кредитор Олекша информировал адресата Жадена о смерти своего должника Хотослава, с которого он не успел истребовать долг в размере одной гривны. В письме дано указание Жадену вынудить родственников Хотена отдать корову в счет уплаты долга [17, с. 117]. Описанные грамоты позволяют предположить, что заимодавцам в древнерусских землях нередко приходилось решать такую проблему, как отсутствие обеспечения долга. Реже в берестяных грамотах находит отражение поручительство как форма обеспечения долга. Например, о взятом на себя подобном обязательстве говорится в грамоте № 43 конца XII – начала XIII в. [18, с. 174], найденной в Старой Руссе.

Залог, несомненно, служил бы надежным обеспечением долгового обязательства. Поэтому к концу XIV в., т. е. периоду составления Псковской судной грамоты, залоговые правоотношения должны были получить гораздо большее распространение в русских землях. Среди берестяных грамот особого внимания заслуживает грамота № 142 второй половины XIII – начала XIV в., относящаяся к наиболее ранним свидетельствам зарождения залога земли. В одном из фрагментов сказано о нахождении села в пользовании заимодавца Марка, куда должник Есиф должен выехать на Петров день, чтобы осмотреть свои владения. Поскольку основная сумма долга выплачена заимодавцу, осталось выплатить только проценты. Марк должен был к моменту приезда собственника убрать свою рожь [19, с. 536]. Итак, в русских землях складывается практика с учетом такой формы залога недвижимости, при которой земля переходила во временное владение и пользование заимодавца.

Приблизительно с конца XIV в. в духовных грамотах завещатели зачастую указывали, что передаваемое по наследству имущество не обременено долгами – «не виновато». В одной из таких духовных грамот 1393 г. завещатель отмечает: «...а моя половина (вотчины) сыну моему чиста». Далее фигурирует купленная отцом завещателя земля у Семена: «А купные грамоты той земле у Семена вси, а не виноваты Семену ничьим же» [20, с. 166]. Псковская судная грамота, первоначальная редакция которой относится к 1397 г., по сути, санкционировала на законодательном уровне те отношения, связанные с использованием залога, которые складывались в древнерусских землях и настоятельно требовали законодательного урегулирования. В ст. 14 данного документа залог (заклад) упоминается как обеспечение договора займа [21, с. 25]. Более того, в ст. 30 залог прямо предписывался, если сумма долга составляла больше рубля [22, с. 31]. В соответствии со ст. 31, в качестве залога для обеспечения долга разрешалось оставлять заимодавцу любое движимое имущество, например платье, вооружение, животное [23].

Немало внимания в Псковской судной грамоте уделялось формальным аспектам сделки. Долговые обязательства, обеспеченные залогом, предписывалось совершать непременно в письменной форме, оформлять так называемые записи, копии которых хранились в Троицком соборе Пскова, в государственном архиве. Заемные обязательства на сумму менее рубля не требовали залога и оформлялись посредством досок – простых долговых расписок. Доски как разновидность документов, которые фиксировали задолженность, в Псковской земле получили распространение с конца XI в. [24, с. 116]. Наличие у кредитора закладной доски и залога, в соответствии со ст. 28, являлось достаточным доказательством правоты истца [25, с. 30].

Особый интерес представляет статья 104 Псковской судной грамоты, где впервые на законодательном уровне предусмотрено положение о залоге недвижимости, а в качестве заложенного имущества выступают земля, вода, двор, строение. Описана ситуация, когда одно и то же недвижимое имущество заложено различным кредиторам, о чем стало известно после смерти должника. В статье фигурируют в качестве залога грамоты на недвижимое имущество. Вопрос о том, что под ними следует понимать – грамоты, удостоверяющие право собственности на недвижимое имущество, или закладные грамоты – не был однозначно решен исследователями [26, с. 59]. Кредиторы, имевшие на руках эти грамоты, подтверждали свое право требования. Те из них, кто не имел при этом запись, т. е. долговое обязательство, обязаны были дать присягу. Кредиторы, которые могли предъявить помимо грамот на недвижимость еще и записи, от присяги освобождались. Далее требование каждого из заимодавцев удовлетворялось из имущества должника в соответствии с долей заемных средств из общей суммы долга [27].

Факт возникновения подобной ситуации не удивляет. В русских землях, даже в масштабах Псковской республики, отсутствовала единая система регистрации сделок с недвижимостью. Поэтому случалось, что земля могла быть заложена сразу у нескольких кредиторов. Вместе с тем на одно и то же недвижимое имущество предъявлялись взыскания различных кредиторов, а значит, недвижимое имущество не переходило в пользование определенного заимодавца, оставаясь

в руках должника, что свойственно чаще для ипотеки. Данный случай вряд ли целесообразно рассматривать как типичный, поскольку содержание дошедших до наших дней закладных на землю, датированных XV в., доказывает обратное: заложенная земля, как правило, переходила во временное владение и пользование заимодавца. Подтверждение тому – закладная Обросима и Лаврентия Васильевых Федору Макарову на село Лодме с условием раздела села пополам в случае нахождения в нем соли, датированная серединой XV в. Братья Васильевы обязывались вернуть долг через десять лет и три лета, Федор был обязан от земли «отступиться». В случае невыплаты денежных средств Федор дополнительно выплачивал братьям оговоренную в закладной сумму и становился собственником земли [28, с. 229]. Условие, при котором закладная при невыплате долга превращалась в купчую, как правило, включалось в содержание закладных грамот XV – начала XVI в. К тому же в собственность переходило все заложенное имущество, а не часть его, которая соответствовала долгу залогодателя, т. е. заложенная вещь вне зависимости от ее реальной стоимости являлась безусловным эквивалентом занятой суммы. Ввиду этого вполне понятен смысл текста одной из закладных конца XV столетия: «А не заплатим мы на срок денег, ино ся кабала на наш наволок на Шубацкой четыре стожья и купчая грамота, без выкупа в веки» [29, с. 260].

Н.А. Проскурякова отмечает: «Глубокая разница между владением и собственностью тогда еще не осознавалась. Закладная и купчая считались актами близкими между собой, а залог носил, по существу, характер отчуждения... В случае несостоятельности должника вотчина переходила в собственность кредитора...» [30, с. 28].

Получила развитие практика извлечения заимодавцем дохода от заложенной земли, который фактически заменял проценты по ссуде, занятой залогодателем. Закладная на Лукинскую пустошь XV в., оформленная между Васюком Ногой и старцем Геронтием, указывала последнему: «А за рост Геронтию ту пустошь Лукинскую косити» [31]. Тем самым наблюдалось заметное сходство залога недвижимости в удельную эпоху на Руси с древнеримской антихрезой, широко распространенной в Римской империи в последние века ее существования.

Таким образом, залог движимого и недвижимого имущества становится к концу XV – началу XVI в. основным способом обеспечения заемных обязательств. Доказательством этого служит множество закладных грамот указанного периода. Очевидна взаимосвязь распространения сделок, обеспечиваемых залогом, с процессами, происходившими в социально-экономической жизни на территории русских земель со второй половины XIV в. до начала XVI в. К ним можно отнести рост феодального землевладения [32, с. 175], расширение внутренней и внешней торговли, увеличение числа ростовщических операций. Все это закономерно приводило к росту заемных обязательств и, как следствие, к развитию залоговых правоотношений.

Ссылки:

1. Загоровский А.И. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия. Киев, 1875. 78 с.
2. Правда Русская. Комментарии / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М. ; Л., 1947. Т. 2. 864 с.
3. Там же. С. 408.
4. Там же. С. 700.
5. Товстолес Н.Н. Сущность залога в историческом развитии по русскому гражданскому праву // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 141–172.
6. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Т. 1. 643 с.
7. Там же. С. 5.
8. Дзэндзелюк Л.С., Льюда Л.М. Розкриття берестяних сувоїв Х і ХІІ століть, знайдених на Львівщині // Вісник Інституту археології Львівського національного університету імені Івана Франка. 2009. Вип. 4. С. 46–53.
9. Dekker S. Old Russian Birchbark Letters: a Pragmatic Approach. Leiden, 2016. 219 p. (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 42). <https://doi.org/10.1163/9789004353206>.
10. Грамота № 531 // Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 130–134.
11. Грамота № 997 // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. XII. С. 95–97.
12. Псковская судная грамота // Памятники русского права : учебно-научное пособие. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2013. С. 7–64.
13. Грамота № 974 // Арциховский А.В., Янин В.Л. Указ. соч. С. 83–84.
14. Грамота № 246 // Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 280–281.
15. Грамота № 1016 // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 115.
16. Грамота № 1050 // Там же. С. 150–151.
17. Грамота № 1020 // Там же. С. 117–118.
18. Берестяные грамоты № 37–45 из Старой Руссы // Там же. С. 166–176.
19. Грамота № 142 // Зализняк А.А. Указ. соч. С. 536–538.
20. Духовная Остафия Ананьевича на недвижимое и движимое имущество в Ловоти, Шенкурье, Кокшенском погосте и других местах // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние ; под ред. С.Н. Валка. М. ; Л., 1949. С. 166–169.

21. Псковская судная грамота. С. 25.
22. Там же. С. 31.
23. Там же.
24. Быков А.В. О деятельности ростовщиков в средневековом Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. № 28 (58). С. 115–127.
25. Псковская судная грамота. С. 30.
26. Там же. С. 59.
27. Там же.
28. Закладная Обросима и Лаврентия Васильевых детей Федору Макарову на село Лодме с условием раздела села пополам в случае нахождения в нем соли // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 229–230.
29. Заемная и закладная Наума и Онцифора Негодяевых с товарищами, в двенадцати рублях // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 233. С. 260.
30. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. 517 с.
31. Закладная на пустошь // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 5–6.
32. История суда и правосудия в России : коллективная монография. В 9 т. Т. 2. Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е гг. XVII в.) / отв. ред. Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. М., 2017. 688 с.

References:

- 'Birchbark Letters No. 37-45 from Staraya Russa' 1978, in VL Yanin, AA Zaliznyak & AA Gippius, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 2001-2014)*, Moscow, vol. 12, pp. 166-176, (in Russian).
- Bykov, AV 2013, 'Usurers Activities in Medieval Pskov', *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli*, no. 28 (58), pp. 115-127, (in Russian).
- Dekker, S 2016, *Old Russian Birchbark Letters: a Pragmatic Approach*, Leiden, 219 p., <https://doi.org/10.1163/9789004353206>.
- Dzdzendzelyuk, LS & Lyoda, LM 2009, 'Discovery of Birchbark Letters of the 10th and 12th Centuries Found in Lviv Region', *Vestnik Instituta arkhologii L'vovskogo natsional'nogo universiteta imeni Ivana Franko*, iss. 4, pp. 46-53, (in Ukrainian).
- Grekov, BD (ed.) 1947, *Russkaya Pravda. Comments*, Moscow, Leningrad, vol. 2, 864 p., (in Russian).
- Khachaturov, RL (ed.) 2013, 'Pskov Judicial Charter', *Russian Law Documents: a Study Guide*, in 35 vols, vol. 2, *Law Documents of Appanage Russia*, Moscow, pp. 7-64, (in Russian).
- 'Letter No. 142' 2004, in AA Zaliznyak, *Ancient Novgorod Dialect*, 2nd ed., Moscow, pp. 536-538, (in Russian).
- 'Letter No. 246' 2004, in AA Zaliznyak, *Ancient Novgorod Dialect*, 2nd ed., Moscow, pp. 280-281, (in Russian).
- 'Letter No. 531' 1978, in AV Artsikhovskiy & VL Yanin, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 1962-1976)*, Moscow, pp. 130-134, (in Russian).
- 'Letter No. 974' 1978, in AV Artsikhovskiy & VL Yanin, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 1962-1976)*, Moscow, pp. 83-84, (in Russian).
- 'Letter No. 997' 1978, in VL Yanin, AA Zaliznyak & AA Gippius, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 2001-2014)*, Moscow, vol. 12, pp. 95-97, (in Russian).
- 'Letter No. 1016' 1978, in VL Yanin, AA Zaliznyak & AA Gippius, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 2001-2014)*, Moscow, vol. 12, pp. 115, (in Russian).
- 'Letter No. 1020' 1978, in VL Yanin, AA Zaliznyak & AA Gippius, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 2001-2014)*, Moscow, vol. 12, pp. 117-118, (in Russian).
- 'Letter No. 1050' 1978, in VL Yanin, AA Zaliznyak & AA Gippius, *Novgorod Birchbark Letters (Archaeological Materials of 2001-2014)*, Moscow, vol. 12, pp. 150-151, (in Russian).
- 'Mortgage of Obrosim and Lavrenty Vasilyev, the Children of Fedor Makarov, on the Village of Lodme to Be Divided in Half in Case of Salt Fields' 1949, in SN Valk (ed.), *Veliky Novgorod and Pskov Letters*, Moscow, Leningrad, pp. 229-230, (in Russian).
- 'Mortgage on Wasteland' 1864, *Instruments Related to Everyday Legal Life in Ancient Russia*, St. Petersburg, vol. 2, paragraphs 5-6, (in Russian).
- Proskuryakova, NA 2002, *Land Banks of the Russian Empire*, Moscow, 517 p., (in Russian).
- 'Testament of Ostafy Ananyevich to Immovable and Movable Property in Lovoti, Shenkurye, Koksheng Pogost and Other Places' 1949, in SN Valk (ed.), *Veliky Novgorod and Pskov Letters*, Moscow, Leningrad, pp. 166-169, (in Russian).
- The Collection of State Letters and Treaties Kept by the State Board of Foreign Affairs* 1813, Moscow, vol. 1, 643 p., (in Russian).
- Tovstoles, NN 1898, 'The Essence of the Pledge in the Historical Development of Russian Civil Law', *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, no. 8, pp. 141-172, (in Russian).
- 'Twelve-Ruble Loan and Mortgage of Naum and Ontsfir Negodyaev with Their Comrades' 1838, *Akty yuridicheskiye, ili Sobraniye form starinnogo deloproizvodstva*, St. Petersburg, no. 233, p. 260, (in Russian).
- Zagorovskiy, AI 1875, *Historical Essay on the Pledge under Russian Law until the End of the 20th Century*, Kiev, 78 p., (in Russian).
- Zolotukhina, NM & Syrykh, VM (eds) 2017, *The History of the Court and Justice in Russia: a Multi-Authored Monograph*, in 9 vols, vol. 2, *Legislation and Justice in Muscovite State (the Late 15th Century – the 1670s)*, Moscow, 688 p., (in Russian).